ПАРТНЕР ВЫПУСКА ГАЗПРОМБАНК БАНК ГПБ (АО)

ОПЫТ

Как я стала немкой

Яна приобрела немецкую фамилию, интересную работу, но осталась российской гражданкой. Она одна из тысяч приехавших в Германию из России. У каждого из них свой путь к разочарованию или счастью. О своем, трудном,— **Яна Шульц**.

Восемь лет назад судьба (или ветер в голове — сложно сказать) затолкала меня в Берлин, где только-только я отметила свои (страшно сказать) 30. Уезжала я вообще-то года на два. Получив бакалавра по международному праву в одном из престижных вузов Москвы и сделав нехитрые финансовые подсчеты, семейным советом мы постановили, что получить магистра в Берлине будет эксклюзивнее, чем в московской альма-матер. Продвинутые «дети» в то время уезжали скорее в США или Англию. Но в моем случае посольское детство, пять незамутненных лет, проведенных в Бонне, дали о себе знать.

Собирая чемоданы в марте 2011-го, я не особо понимала, на что иду. И хорошо, что не понимала. Первым делом большим вызовом стала и остается немецкая бюрократия. Упоминание местных ведомств и чиновников, скорее всего, вызовет нервный смешок у любого столкнувшегося с ними иностранца. Нужно глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы не сказать о них лишнего. Их доступность, активность, отзывчивость, спешность... Сколько часов я и мои знакомые обивали пороги берлинского Ведомства по делам иностранцев — не сосчитать! А ведь мы образованные, интеллигентные молодые люди, работающие и платящие налоги в местную казну, ни разу не взявшие денег у государства и не оскорбившие местных порядков. Однако это не защищает от зачастую хамского и почему-то заранее уничижительного тона и обращения со стороны немецких чиновников.

Поступила я, значит, в юридическую магистратуру, что, наверное, логично. Всю первую лекцию по налоговому праву на немецком языке я буквально просмотрела в потолок. Чтобы слезы не катились вниз и их никто не видел. Я не понимала, куда попала, зачем и вообще КАК это возможно усвоить? Немецкий был моим вторым иностранным, до этого первым всегда был английский. Со временем пришлось, например, осознать и принять тот факт, что улыбки в ответ, предложения попить кофе и вот эти всякие small talks зачастую не несут за собой никаких намерений. Скорее всего, на кофе вы никогда не встретитесь. Я поняла, почему о русских говорят, что мы неулыбчивые и хмурые. Потому что мы искренне улыбаемся и радуемся только тем, кого впускаем в сердце. В России не будут предлагать встретиться после работы или учебы просто, чтобы предложить, потому что так принято. Я пока не решила, какая крайность лучше, наверное, скорее что-то посередине, как всегда.

Вторым большим испытанием в Берлине, которое с годами, кажется, только набирает силу, является поиск жилья. Здесь не получится в короткие сроки снять квартиру, даже если срочно надо (речь идет о долгосрочных намерениях, не о туристах). У многих людей на поиск уходят месяцы, у некоторых и полгода. Потому что огромный спрос, цены растут, а качество — нет. Иногда на просмотр более или менее приемлемой квартиры выстраивается очередь в 40 человек, забив весь лестничный пролет. И из них выберут только одного кандидата, обычно у кого стабильный высокий доход и в идеале немецкая фамилия. Для молодой девушки или молодого юноши, кто еще немного зарабатывает, но хочет жить один, поиск своего жилья станет основой для выработки терпения. Конечно, и сейчас популярно жить в коммуналке, то есть снимать комнату в квартире с другими людьми. Но и это стало непросто, так как за нормальную комнату цена в среднем составляет около €500 в месяц. Конечно, в зависимости от района и размера. А Берлин признан одним из самых дешевых городов Германии. Для сравнения: живя студенткой в коммуналке в 2011 году, я платила за комнату в 21 кв. м €270. И тогда это считалось дорого.

Пишу и улыбаюсь. Еще интересно то, что все здесь поголовно арендуют. Я это знала и раньше, но чтобы ВСЕ. Мои руководители на работе, коллеги, которым за 40 и у которых семьи и неплохие зарплаты,— все снимают. Почему — не знаю.

За восемь немецких лет позади у меня два магистра, пять различных немецких виз, несколько рабочих опытов и практик, пара романтичных экспериментов, в том числе один искренний и честный брак, о котором я не жалею. Однако внутренняя, зачастую не всегда осознанная тяга к приключениям не позволила так рано остановиться на предложенной модели существования. Два года назад я решила все кардинально поменять и попробовать жить так, как хочется. И бросила скучнейшую работу в немецкой юридической конторе, где, кроме неплохой зарплаты, не было ни одного плюса, а депрессия уже приветливо махала из-за угла. Упорно казалось, что я буксую на ровном месте. Взвесив страхи и перспективы, заручившись поддержкой и пониманием близких, я решила сменить квалификацию и уйти туда, куда всегда тянуло,— в сферу медиа. С юридическим дипломом попасть туда оказалось нереально, даже при наличии каких-то контактов. Все очень строго, Ordnung muss sein. Подав заявку на магистерскую программу Media studies в Техническом университете Берлина, в тот же день я пошла в бассейн. А там в очередной раз поспорила сама с собой, что если проплыву 2 км, то меня точно возьмут. Заплыв я сделала, но из университета пришел отказ. А через месяц пришло согласие: меня приняли по второму кругу отбора. И это была какая-то совершенно другая учеба, так как выбор был осознанным. Это напоминало скорее хобби — в восемь утра я, обычно готовая продать почку, чтобы подольше поспать, уже сидела на лекциях и кайфовала. И, безусловно, параллельно искала подработку. Одно из интервью на студенческую позицию было в крупной местной газете. «Так, ну за этими дверьми точно dream job»,— подумала я. Но меня не взяли. Необходимость в деньгах никто не отменял, и я без внутреннего сопротивления пошла работать в одежный магазин на историческом Курфюрстендамме, куда самоуверенно напросилась, в один прекрасный день охотясь за новыми New Balance.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Похоже, Яне удалось подружиться с Берлином и его символом

Офис и склад были спрятаны за основным шоу-румом. Это был новый опыт, для меня был особый кайф приходить в десять утра и первой зажигать свет, который расползался по спящему залу. Почти весь рабочий день я была на ногах, время пролетало незаметно, сесть и перекусить было некогда. У меня была неплохая команда и очень человечный шеф, он же владелец магазина, который искренне любит свое дело: ему не в напряг самому порыться на складе, помыть высоченные витрины или пройтись по полу влажной тряпкой. Но через месяц мне позвонили из издательства и пригласили-таки работать на полставки в отдел поддержки абонентов и читателей. Счастью не было предела.

Спустя полтора года по окончании учебы меня перевели на полную занятость в отдел рекламы. Где я сейчас и тружусь. Но, скажу честно, тиражи с каждым годом падают. И этот процесс необратим, потому что наши читатели вымирают — в прямом смысле. А в таком молодом городе, как Берлин, это особенно опасно, потому что все же нынче в интернете. К тому же между тремя главными ежедневными берлинскими газетами исторически жесткая конкуренция. Чтобы выжить, нам надо быть на три головы выше двух других изданий. А это ой как непросто! Все это время в коллективе я единственная иностранка. До сих пор бывает, что расстраиваюсь, когда не понимаю все и сразу, когда торможу. На совещаниях хочется поставить всех на slow motion. Забавно, но порой кажется, что идеальная работа — это просто когда ты сидишь на переговорах и понимаешь каждое слово. Да и немцы — они такие. Не только на работе, а везде. Кто-то по-доброму улыбается над твоими ошибками и корректно поправляет. А кто-то начинает непроизвольно морщить лицо, когда ты только открываешь рот.

Когда мне говорят, что у меня русский акцент, я отвечаю, что да, а какой еще он должен быть? Я его не стыжусь, поскольку не скрываю своих корней. На прошлой работе мне говорили, что поскольку я живу Германии, то и думать хорошо бы мне было уже на немецком. Не разрешали делать пометки на русском, которые я записывала для себя на скорую руку.

Что касается соотечественников, то в Германии очевидно разделение на «убежавших» русских и тех, у которых «так сложились обстоятельства». Мне, к счастью, бежать было не от чего: Москва и все личное, с ней связанное, держало и держит до сих пор. Это такая меланхоличная и глубокая любовь. Тут не хватает какой-то общей женственности. Многие слышали и знают про то, что европейские мужчины практикуют «пополамничество» со своими партнершами. Практикуют, любя. Редко пропускают женщину вперед, очень редко дарят цветы, что мне всегда было непонятно, так как цветы здесь в сравнении с Москвой дешевые. Ну хотя бы тюльпаны-то по весне! Часто бывает, что на первом свидании за тебя заплатят, а на втором уже будут ждать твоего участия. В семьях, где нет большого различия в величине зарплаты, все тоже обычно пополам. Мне даже недавно рассказали, что есть какое-то популярное мобильное приложение, которым многие семейные пары пользуются, подсчитывая и разделяя бытовые счета. При всем при этом я от многих немцев слышала, что в такой тенденции виноваты сами немки, которые демонстрируют свою эмансипацию и феминизм при любом удобном случае. Зато и в декрет здесь часто уходят пополам, квартиры драят тоже пополам. Если уж в паре равноправие в том смысле, что каждый берет и отдает одинаково, то обычно это касается практически всего. Если всех участников устраивает, то почему нет?

Я пока не встретила здесь в своем кругу ни одну домохозяйку. Да и немудрено — по-моему, в каждом предприятии есть позиции на 20–30 часов занятости в неделю. И что примечательно, это могут быть должности не последней важности.

В русский магазин я и мои русские друзья наведываемся регулярно — любимых продуктов типа рассыпчатого творога, гречки, ряженки, розовых ароматных помидоров в красивых немецких супермаркетах не найти. Подводя итог, могу сказать одно: путь преодоления и, соответственно, непрекращающегося внутреннего роста — это круто. Если еще и оставаться открытым человеком, веселым, без понтов и в разумной степени упертым, то есть вероятность, что даже самое строгое немецкое сердце тебе откроется.

Германию я ни в коем случае не ругаю и по-своему люблю. Просто на мой вкус она не лучше и не хуже России, она другая, и с ней надо уметь дружить. Но менять российское гражданство пока определенно не входит в планы. Спасибо родителям, которые отпустили и сделали мое немецкое приключение возможным. А я тем временем пойду готовить Abendbrot — ужин из бутербродов. Потому что немцы не едят горячее два раза в день.

РЕПОРТАЖ

Там, где Москва и Берлин едины

Молодая русская культура нашла себе место в немецкой столице и с каждым днем чувствует себя в ней все лучше. «Д» отправился на прогулку по русскому Берлину вместе с журналистом **Инной Хильдебрандт**.

Инна Хильдебрандт

Где, как не на кухне, можно вести разговоры о русской жизни? Так было некогда в СССР, и так происходит сегодня в одной из студенческих квартир в Берлине. «Я здесь выросла, и мне всегда этого не хватало: я что-то искала, но ничего не было,— вспоминает Юлия на кухне.— Но вот в последние годы в Берлине появилась молодая и именно русская жизнь».

Юлия, как и я,— так называемая русская немка: в Германию она уехала вместе с родителями в 1990-х годах. Вся русская жизнь происходила в те времена дома и в кругу семьи. Для «русской дискотеки» мы были слишком молоды, а когда начинали выходить в свет, русскоязычный культурный сегмент нас не привлекал, опять-таки потому что создавался не нашим поколением и не для нас. «Они приехали молодыми людьми и создали собственное комьюнити, но в нем мало что современного происходило»,— констатирует Юлия.

Около пяти лет назад лед тронулся. В город стало приезжать все больше молодых людей творческих профессий из бывшего СССР. Да и сами берлинцы запускали инициативы, создавая русскую и вместе с тем интернациональную (культурную) жизнь вдали от «Шарлоттенграда» и Курфюрстендамма.

Галерея Aperto Raum расположена в кирпичном здании, поросшем плющом, в отреставрированных двориках между улицами Софи и Гипс в старом Берлине. «Бытие между» здесь больше, чем просто география. Изначально в подвальных помещениях с белыми стенами три молодые женщины издавали русско-английскую культурную газету Aperto, чтобы установить культурный диалог между Востоком и Западом. Но уже третий выпуск стал последним: деньги закончились, рассказывает Мария Изерлис. Уроженка Украины работает в Берлине вместе с американкой Кристи Вуди. Елена Юшина, инициатор проекта, вернулась в родной Санкт-Петербург и открыла там филиал галереи. Бурлящая русскоязычная культурная тусовка в Берлине, как в 1920-е или позднее — в 1990-е годы, сегодня для этих троих немыслима вне западной перспективы. В этом они солидарны со знаменитым конструктивистом Элем Лисицким, который в 1923 году стал выпускать в Берлине газету об искусстве, чтобы возобновить культурные контакты с Россией и Западом после долгой войны. Издание «Вещь/Gegenstand/Objet» выходило сразу на трех языках.

ЮРИЙ МАРТЬЯНОВ

Ни в Берлине, ни в Москве никто не удивится такому граффити

«Оно явилось как бы предтечей нашего проекта,— говорит Изерлис.— Мы видим себя продолжателями традиции тогдашних иммигрантов, искавших культурного диалога, который сегодня мы продолжаем другими средствами». Ведь Берлин — это город, где Восток и Запад встречаются, как нигде больше.

Кураторы приложили немало усилий, чтобы превратить бывшую редакцию Aperto в выставочное пространство и лабораторию современного искусства. Старшее местное русскоговорящее поколение художников, среди которых есть такие видные личности, как Вадим Захаров или Борис Михайлов, встречается с молодыми художниками, становление которых проходило в Москве, Киеве или Минске. К ним также присоединяются коллеги из западных и восточноевропейских стран.

В отсутствие заявленной узкой культурной программы темы выставок тут бывают самыми неожиданными, как, например, прошедшая не так давно «Родная речь/Mother Tongue» о советско-российском кодовом языке гомосексуалистов. Родившийся в Москве и живущий в Нью-Йорке Евгений Фикс по-русски и по-английски знакомил посетителей с этим неожиданным языком, сложившимся главным образом в соответствующей московской тусовке. «В России эту выставку в таком виде провести бы не удалось»,— уверена Кристи Вуди.

Свобода тем — одна из причин, по которым молодых российских художников манит Берлин. Мария Изерлис говорит, что это относится и к восточноевропейским художникам, которые надеются получить здесь больше свободы и поддержки.

Надо сказать, что напряженные отношения России с Германией ситуацию лучше не делают. С этим согласны и кураторы. Но именно поэтому они видят острую потребность в диалоге.

В другой части центрального Берлина, неподалеку от Фридрихштадтпаласта, в старом здании с просторной лестницей, которое вполне могло бы стоять где-нибудь в Санкт-Петербурге, находится союз «Декабристы». Его участники готовят не грядущую революцию, а Red Square Festival, который состоится в мае на площадке «Культурфабрик Моабит». Сергей Медведев, Александр Формозов и Коринна Шпрайтцер реализуют многочисленные проекты, связанные германо-российским обменом и активностью в сфере гражданского общества в русскоязычных странах. Проникнувшись мыслью, что российский культурный ландшафт Берлина со времени последнего подъема в 1990-е годы как бы погрузился в сон и нуждается в обновлении, они бросили все силы на планирование фестивалей. Программа фестиваля должна включать в себя не только концерты, кинопоказы, художественные выставки, но и политические дискуссии, решили они. «Идея заключалась в том, чтобы он стал событием не только для русскоговорящего комьюнити»,— рассказывает Коринна Шпрайтцер, единственная в команде, впитавшая русскоязычную культуру не с молоком матери. Теперь популяризация с помощью фестиваля стала и ее делом.

Программу нынешнего года с восходящей звездой певицей и автором песен Гречкой и уже популярной группой Ангел нестыдно предложить вниманию публики. С учетом положительного резонанса в этот раз фестиваль продлится не один день, а два и станет калейдоскопом актуальной российской и восточноевропейской культуры как вне Германии, так и в ее пределах. «Берлин отличается насыщенной русской культурной жизнью. Я была удивлена, когда начинала здесь выступать»,— говорит моя 27-летняя собеседница.

За пределами берлинского кольца городских электричек, где заканчиваются клубы техно и начинаются первые жилые дома, образующие переход к буржуазному району Нойкельн, живет со своей семьей Галина Озеран, она же Галя Чикис (Chikiss). Ее концерты с их объемным электронным звучанием сделали ей имя не только на берлинской музыкальной сцене, в последнее время она частая гостья и в самых модных клубах российской столицы.

«Для молодых москвичей теперь я — певица, которая приезжает из такого популярного Берлина»,— рассказывает Галина с улыбкой от мысли, как все изменилось после того, как четыре года назад она окончательно уехала из Санкт-Петербурга — без особой необходимости, просто потому что представилась такая возможность. Многие из ее петербургских друзей сегодня живут в Берлине и участвуют в формировании русской культурной жизни по всей немецкой столице.

Женщина в возрасте около 35 лет редко принимает в этом участие просто потому, что она хорошо интегрировалась в берлинскую жизнь и редко выходит за пределы своего района. «В Нойкельне есть собственное интернациональное комьюнити, и здесь очень много интересных мест, где можно хорошо провести время»,— говорит она. Люди друг друга знают, поддерживают, но их жизнь не завязана на солидарности выходцев из России. Тем не менее для нее существует исторически сложившийся русский Берлин, и это ощущается в целых районах или в определенных местах. «Здесь повсюду можно услышать родную речь. В Берлине все понятно и как будто знакомо».

Русская жизнь в Берлине стала такой увлекательной, какой не была уже долгое время, и к тому же беспрецедентно открытой. Интернационализм сегодняшней немецкой столицы делает возможным общение на почве интересов, определяемых не только языком.

Инна Хильдебрандт — берлинская журналистка, работающая в сфере культуры